

РАССКАЗЫ

ВЕНГЕРСКИЙ ВЕРМУТ

Еще одна летняя навигация закончилась. Теперь в затон, где начнем плановый ремонт наших движков. Отдохнем со сменным вахтенным мотористом Андрюхой Сытовым пару недель, а потом разберем до распределительного вала дизеля типа НФД-48 (их у нас три единицы, и каждый в четыреста лошадок), подгоним электроталь по направляющим, зацепим концами крышку цилиндров. Еще надо глянуть на зеркала. Поршни с кольцами тоже надо будет заменить. Составим дефектную ведомость и отдадим нашему старшему механику дизель электрохода.

Пока стармех запчасти доставал в мастерских, мы на денек списались на берег, чтобы провести время в ресторане на старом дебаркадере, насквозь пронизанном октябрьским солнцем и украшенном резными подзорами, оттого похожем на дореволюционный колесный пароход, точь-в-точь как в кинофильме «Жестокий романс». Он стоит на мертвом якорю в конце пристани, а кажется, что причалил на несколько минут. И на его борту волжские помещики, купцы и промышленники. Вот-вот раздастся хриплый гудок парового свистка, и в облаках пара, шлепая плицами по речной воде, делая маневр, снова выберется на фарватер. Распустив перед высоким носом пенные усы, снова неспешно пойдет, попыхивая сизым дымком из широкой трубы, куда-нибудь в Самару или Нижний Новгород на промышленную ярмарку.

Мы, перешагивая через вымбовки сходней, бодро направились в «пассажирский салон» нижней палубы и облюбовали место с видом на залив со спящими буксирами и рыбацкими лодками. В широченных брюках-клевашах и офицерском кителе без погон, но с блестящими пуговицами в два ряда подошел официант. Я попросил венгерский вермут.

— Венгерский вряд ли найдется. Поставок нет. Но есть портвейн, мадера и капитанский ром.

— Ладно, тащите капитанский ром и крабовый салат.

— Дался тебе этот вермут, — удивился Андрей, когда официант отошел.

— Я же на АПЛ служил. Когда подводная лодка выходит в автономку на девяносто суток и включается реактор, то к ежедневному рациону экипажу, который находится длительное время в ограниченном пространстве, полагается сто грамм вина. Вроде как для защиты и стимуляции обмена веществ. Чтобы лишней радиации не хвататься.

— А я служил на Тихоокеанском флоте, — сказал Андрюха, — на плавмарше службу нес. Нам венгерский вермут и не снился. На гражданский бункеровщик плавлавка подваливала, кислое красенькое винцо подкидывали, чтобы матросам легче вахтить.

— А наш главный корабельный старшина мичман Сухороб всегда хорошим десертным вином запасался. У него были нормальные связи с начальником продовольствен-

Сергей Михайлович Смирнов родился в Москве. Окончил Московский железнодорожный техникум. Публикации в журналах «Кольцо А», «Нева», «Юность», «Север», «Крещатик», «Формаслов», «Причал», «Метро», «Дальний Восток», «Дрон», «День и ночь». Дважды лауреат литературного конкурса маринистики имени Константина Бадигина. Сценарист документального кино. Живет в Москве.

ной базы. Обменивался с ним флягой спирта аж на несколько ящиков венгерского вермута. Наш Сухороб хранил ящики с вином под рубкой в шкиперской.

Помню, в конце декабря в автономку пошли в Заполярье. Дело шло к новогодним праздникам. Ну, вахты несли, как положено, и время шло незаметно. На глубину под четыреста метров нырнули, даже не почувствовал давления воды (молодые же были, здоровья хоть отбавляй), а это десять кг на квадратный сантиметр. Вот и считай, что выдерживал прочный корпус нашей субмарины! Я в своем БЧ-5 нитку натянул. Веришь, как всплыли, то нитка эта лопнула! Корпус под воздействием большого давления по всем законам физики сжимается...

31 декабря я сменился с вахты, отдохнул малость. Потом командир боевой части пригласил нас в кают-компанию. Там караси (молодые матросы) столы сдвинули. Сок в кружки разлили. Кок торт сварганил со сгущенкой. Большой пирог с капустой еще был... Капитан по каштану, то есть радио, поздравил экипаж с Новым годом. Замполит напомнил о бдительности. Посидели, гимн послушали, поклевали торт с пирогом. Потом команда «Отбой. Разойтись по отсекам. Отдыхать». Караси послушно побрели. А годки (старослужащие) попрятались по шхерам, скрытым от командирского глаза местам. Потом вытащили припрятанный вермут и загуляли, как положено.

— Ну, вы даете, братва, — посмеялся Андрюха, — вас бы на нашу плавмарусю! Сразу бы в койки все нырнули. Мы на ремсудне пахали почти всю службу, как первогодки. Вроде только до рейда доходили, а там поворот и к пирсу. То корабль на кормовую стрелу зацепим, то вас, подводников, тянем. И снова у стенки срочный ремонт. И всегда так. Только и слышим: «Давай-давай, быстрей-быстрей». Короче, некогда было отдыхать.

— А мы этот вермут заранее несколько дней сливали в «общий котел». На себе сэкономили. Еще от карасей досталось. Им по службе не положено особо вином увлекаться. Вот когда станут годками, тогда и оторвутся по полной, вспоминая нас.

— Ну, все. Пора закачивать. Пора на судно. Глянем, что там стармех с берега из судоремонтных натаскал...

ОСИНОЕ ГНЕЗДО ЗАПОЛЯРЬЯ

Наш Островной еще называли осиным гнездом подводных лодок в Заполярье. Никогда не думал, что придется здесь служить. Сам я из Нижнего. После школы поступил в речное училище, а практику проходил на нефтеналивном танкере. Перед самой службой успел сходить до Астрахани пару навигаций судовым вахтенным мотористом.

Но потом повестка, медкомиссия, все дела... Через три дня на призывной прибыл. Погрузили нас в автобус, и прощай вольная жизнь речника! В поезде пели песни да потягивали втихаря портвешок, еще не осознавая, что ждет нас впереди. Я еще мог в общих чертах представить свою будущую службу. В военном билете в графе «воинская специальность» значилось «матрос-моторист». Но другие: например, таежный сибирский паренек, охотник-промысловик, сам не понял, как так вышло. Предположил, что из-за дочки начальника леспромхоза, который решил, что они друг другу не пара, задействовал связи и потенциального зятя отправил подальше и надолго. Все мы, разные и одинаково подстриженные, оказались в Кронштадте, где находится учебная часть по подготовке специалистов для подводного флота.

Дни летели незаметно. После подъема — построение и строевая подготовка. Казалось, от старательного топота наших матросских ботинок сотрясались стекла в ближайших домах. После обеда и адмиральского часа заводили в классы на теорию. И так

каждый день до отбоя. Выпустились поздней осенью. На последнем построении зачитали приказ о распределении младших специалистов по флотам. Я отправился в Заполярье на базу подводных лодок.

К ледяным воющим ветрам, через бушлаты пробирающим до костей, швыряющим в лицо колючий снег, надо было еще привыкнуть. Когда на верхней вахте стоишь, то непонятно, что к чему приморожено. Еле слышно, как на дальнем рейде пробивают склянки. Значит, скоро конец вахты: спущусь в лодку, отмечусь у вахтенного офицера, напьюсь горячего чаю и лягу спать на второй ярус. В подлодке тепло, негромко гудят электромоторы, пощелкивает в многокилометровых трубах, опутавших ракетный крейсер, из бортового радио разносится по отсекам голос командира. Лодку готовят к выходу на боевое дежурство. Это будет мой первый дальний поход. Все идет по плану.

На АПЛ время летит незаметно. Дни и ночи сливаются в одну большую вахту. Кажется, только была команда на погружение, на «рабочую» глубину пятьдесят метров, как снова на всплытие, и мы возвращаемся домой в свое гнездо. Смена экипажа, сдаем лодку и якобы на отдых. На самом деле в казарме тоже идет флотская служба: уставы, строевая, вахты... Ночь — целые сутки, и так почти до весны. Иногда думаешь, что это навсегда. Фонари даже днем горят. Северное сияние переливается красным и зеленым, а по утрам, во время пробежки, все озаряется золотистыми всполохами.

У нас на Волге природа предсказуемая, по расписанию. Наступает первый весенний месяц, и все вокруг осторожно просыпается. Мартовский ветер начинает разгонять сизые тяжелые тучи, и, словно протиснувшись в чуть приоткрытую дверь, робко выглядывает солнце. В Островном все по-другому. Международный женский день встречаем в гарнизонном клубе при свете. Прекрасного пола, как всегда, не хватает. В основном офицерские жены или вольнонаемный персонал. Легкая разминка в буфете с бокалом газировки. Наши бляхи с якорями на белых парадных ремнях горят огнями отраженных ламп большой люстры, гюйсы отутюжены, ботиночки надраены до зеркального блеска... Вспомнился такой же праздник в Нижегородском речном училище, где мы, будущие выпускники, без бушлатов и шинелей, запросто выбегали на свежий воздух курить, смеяться, делиться впечатлениями о студентках, приглашенных из текстильного техникума, а с вечерней Волги тянуло весенней прохладой.

Весна в Заполярье больше похожа на зиму, и только в самом конце из-за низко висящих облаков вдруг брызгает солнце. Мрачные бурые, со снеговыми шапками вокруг вершин скалистые горы вмиг преображаются, искрясь ослепительной белизной. Мы же радуемся окончанию надоевшей полярной ночи и в бушлатах, нахлобучив бескозырки, отпрашиваемся в увольнение, если так можно назвать простое устное разрешение дежурного офицера ВЧ. Тут на острове обходятся без всяких увольнительных записок.

А куда здесь пойдешь? Вокруг плещется вечно холодное море. Внизу у причалов отдыхают после походов засыпанные снегом подводные атомные крейсера. В городе нет парков и скверов. Только меж домов на скальном грунте поднимались высокие сорные растения, ходящие волнами под ветром, с редкими вкраплениями бессмертника, полевой ромашки и одуванчика. На центральной площади с битым асфальтом и бетонным матросом на фоне серпа и молота, в одной из облезлых жилых трехэтажек работает продмаг. Затарившись в нем, двинулись в горы. Там несколько тихих ложинок, укрытых нависшими скальными породами и потому невидимых с суши. Расположившись на почерневших мшистых обломках, вытащили запретное пиво, консервы...

Солнце, поднявшись, стало нещадно палить. Мы скинули бушлаты, фланелевые рубахи, тельники и просто легли на мох любоваться легким безоблачным небом. Если бы не синие полосы снега на дне ложины, то нашему полярному лету можно было бы ве-

рять! На первый взгляд природа здесь сурова и однообразна. На улицах ни одного деревца, разве что перед горсоветом торчит из мерзлой земли пара низкорослых деревьев с корой в глубоких трещинах и стволами, скрученными в спираль. Но за городом в низинах успевала созреть крупная черника. Мы набирали ее для кока, а он угощал экипаж пирогами, а на десерт — черничным морсом.

В заливе суетится плавмаруся, наша ремонтная мастерская на воде. Тарахтит ее дизель, натягивая тросы кормового крана. Видимо, что-то нашли и стараются поднять с грунта. Далеко проревел басом пароход «Вацлав Воровский». Это наш курьер и кормилец. С материка доставляет продовольствие, ширпотреб, а главное, почту, которую все с нетерпением ждут. Если привозили фрукты или овощи, например спелые красные помидоры, то в сопровождении вооруженного мичмана командировали матроса, который на вытянутых руках нес целый ящик, иначе один не донес бы: либо съедят, либо отберут.

За пароходом из распахнутой клинкетной двери рубки небольшого буксира доносится по трансляции:

На недельку до второго
я уеду в Комарово...
Я за то, чтоб в синем море
не тонули корабли!

НА ТАНКЕРЕ

Полуторатысячный танкер ледокольного класса с усиленной обводкой бортов шел по Дунаю. Из порта Керчь в порт Измаил. Судно, нагруженное топочным мазутом для городских котельных, просело по самую ватерлинию. В нос ему дул жаркий летний ветер, и судно, обдуваемое этим южным потоком тяжелого струящегося эфира, буквально ползло на среднем ходу против течения.

Днем с правого и левого борта все казалось простым и понятным. По ночам же окружающий мир казался неясным и тревожным. В песчаных протоках, заросших камышом и тальником, что-то загадочно ухало, ржало, рычало, сопело и шуршало... С грохотом опрокидывались в быструю, гремящую на отмелях воду еще недавно спокойно и крепко стоящие по берегам высокие деревья. Казалось, танкер — единственный в этом мире. Он тихо пробирался по лунно-белой тропе, и лишь ходовые разноцветные огоньки, и тусклая подсветка приборов в рулевой рубке, и луч прожектора, острый как игла, время от времени пронизывающий непроглядный мрак, несколько оживляли и отбрасывали в стороны плотную мглу...

Кроме штатной команды, на судне проходили практику будущие покорители морей и океанов — курсанты Керченской мореходки. Они, конечно, мечтали попасть на какой-нибудь белоснежный круизный лайнер с комфортабельными каютами, салонами и бассейнами, а тут простой нефтеналивной танкер-перевозчик, курсирующий в прибрежных зонах от порта до порта. И работа на нем будущим капитанам дальнего плавания казалась будничной и скучной.

Экипаж после завтрака разбрелся кто по вахтам, кто просто отсыпаться в каютах без зеркал, мебели из красного дерева, кожаных кресел, телевизоров и других атрибутов дорогих комфортабельных туристических судов. Да и скорость танкера совсем не такая, чтобы соревноваться с другими.

— Наш танкер — не беговая лошадь, а рабочая, — любил повторять капитан Николай Матвеевич Луков.

Внешне Матвейч совсем не походил на морского волка: низенький, расплывшийся от времени во все стороны. Его коротенькие ножки несли на себе тяжелый вес хозяина. Красно-багровое лицо с маленькими, широко расставленными голубыми глазами-буравчиками, бугристым носом картошкой и грубо прорезанной щелью вместо рта, не имевшей верхней и нижней губы. Когда он ругался, провинившемуся хотелось поскорее удрать. Слова метко и едко вбивались им, словно гвозди. Размахивал при этом во все стороны руками с толстыми короткими растопыренными пальцами-сардельками. При этом весь его неморской облик не мешал грамотно выполнять командирские обязанности. В Черноморском судоходстве вряд ли можно было встретить другого такого капитана, хорошо знающего дело.

Все свое долгое капитанство проходил Матвейч на танкерах. Он досконально изучил фарватеры в округе и мог, что называется, спать за это спокойно. Одно не давало Матвейчу покоя. Выедала, сверлила душу, как старое корабельное дерево, одна тревога. Больше всего на свете Матвейч боялся начальника отдела кадров, который при редких встречах в коридорах судоходства многозначительно пожимал руку и заглядывал в глаза:

— Ну что будем делать, дорогой капитан? Все сроки вашей трудовой деятельности прошли. Пора и на покой. Пора уступить место на капитанском мостике другим — молодым. Вон какой у вас старший помощник! Образованный, грамотный! А вас мы с почетом на заслуженный отдых, — вежливо «угрожал» кадровик.

После таких встреч Матвейч подолгу не мог заснуть у себя в каюте. Без моря и танкера себя не представлял. Ну как будет жить на пенсии? Выползать, словно старая баржа, во двор пятиэтажки к таким же пенсионерам, бесконечно забивающим козла в домино за сколоченным наспех из старых досок столом? Пить по утрам теплое молоко, глотать жареную яичницу, приготовленную сестрой на кухне? «Нет, это не по мне! Будь что будет! Но если снова начнут давить, пойду прямо к начальству. А то и до Москвы доберусь! Без моря не жизнь. На море родился, здесь и останусь до конца», — с такими ободряющими мыслями, поворочавшись с боку на бок, тревожно и беспокойно засыпал...

В дверь постучались:

— Николай Матвеевич, время, — негромко, но настойчиво произнес старпом.

Матвейч посмотрел на каютные часы, закрепленные между иллюминаторами на переборке. Стрелки на часах под толстым стеклом показывали: 00.00 часов. Точно, пора! В этом рейсе не было третьего помощника, и вахту нес капитан.

На мостике, как всегда, тихо, лишь слабо гудят некоторые навигационные приборы, светясь экранами. Капитан оглядел через широкие окна рубки черные берега, медленно ползущие навстречу. Над самой ходовой рубкой повисла, словно приклеенная к темно-фиолетовому небосводу, Луна, и казалось, что танкер с грузом медленно, но верно, поднимаясь к небу, приближается к ярко сияющему в серебряном нимбе спутнику Земли.

Летние ночи коротки. Не успеешь глазом моргнуть, как за линией горизонта начинает нежно розоветь. Матвейч полагал, что встретить рассвет — это как выкупаться ранней порой в родниковой воде. Заря на мостике как утренняя молитва... Вот уж отбили утренние склянки, и новый рабочий день на нефтеналивном танкере. После завтрака боцман Жора Коджа, крымский грек, распределит штатных матросов и курсантов по рабочим местам. За целый день крымское солнце разогреет танкер так, что будут срабатывать клапаны, выбрасывая из наполненных танков пары разогретого газа.

Мимо капитана вихрем промчался долговязый, с выгоревшими и коротко подстриженными волосами курсант.

Матвеич приостановил бег моремана:

— Юноша, куда разбежались? Тормозить не собираетесь? А то так и за борт можно улететь.

— Я на полуют спешу, — отдышавшись, выпалил парень, — нас сейчас боцман собирает в кружок. Морские узлы будем учиться вязать.

— Добро, — сказал капитан, — это ремесло необходимо каждому, кто хочет стать настоящим моряком. Я не согласен с теми, кто считает, что уметь вязать морской узел — лишнее, устаревшее. На лине, канате или тросе, если требуется, необходимо быстро и правильно по ситуации завязать соответствующий узел. Это не коробку с тортом в магазине бечевкой перевязать. Здесь, друг, целая наука! Вот, к примеру, рифовый узел применяется для закрепления чехлов спасательных шлюпок, палубных механизмов, компасов... Или вот прямой узел служит для связывания тросов одинаковой толщины. Наш боцман Жора отлично эту науку изучил. Практика у него большая, еще с военно-морского флота, когда мичманил на тральщике. Как фамилия, курсант? — спросил под конец Матвеич.

— Евгений Шустров, — громко и четко ответил курсант.

— Ну вот, Шустров, и беги шустро. Привыкай к экипажу и к судну. Ведь без этого мазута котельные города встанут. Весь Измаил мазутом отапливается, и мы должны его доставить в срок. Ну все, беги, — и уже собрался сам идти отдыхать после вахты.

Но не тут-то было.

— Николай Матвеевич, — подошел старший помощник, — разрешите доложить! Барометр падает. Да и радио передало: погода меняется. Выше по течению ливень начался, очень сильный с порывами ветра до двадцати пяти метров в секунду. С нашим грузом в июльский ураган угодить... Танкеру, конечно, плевать — корпус выдержит, ледового же класса. А вот нанесет Дунай песка да камней под днище, и сядем брюхом. Поди вытащи нас потом. К берегу ни одна техника не подберется, заросли кругом. И с одним винтом и дизелем-четырёхтактником с реверс-редуктором, боюсь, не справимся. Если только враскачку. Но с грузом довольно сомнительно.

— Будет худо совсем, машину на «стоп», носовые и кормовые якоря отдадим и переждем, — решил капитан. — Алексей Гаврилович, передайте боцману, пусть осмотрит тщательнейшим образом палубу. Все лишнее убрать. А после — доложить мне. Практикантов вниз по каютам. И чтобы носа не высовывали, пока ливень не пройдет. Знаю я их: будут прыгать по палубе во время непогоды и лихость свою показывать. А как смоем кого, что тогда? Этого практиканта Шустрова... за ним приглядеть надо, уж больно быстр да резв.

— Есть, товарищ капитан! Все будет выполнено, — понял старпом.

Настоящий ураган налетел к вечеру и принес с собой черные рыхлые, наполненные дождевой водой тучи. Непроницаемая стена ливня обрушилась на судно, сидящее глубоко в воде. Ночь выдалась тревожной. Дождь шел не переставая. Вокруг все скрежетало. Казалось, что гигантским молотом бьют по верхней палубе, чтобы обрушить потоки воды на укрывшийся в каютах экипаж. Носовые и кормовые якоря удерживали танкер на месте. Якорные цепи, отданные брашпилями через клюзы, натянулись, как струны. Экипаж вместе с курсантами постоянно обходили судно, проверяя наличие течи.

И только к утру понемногу стихло. Убрались восвосяи низкие тучи. Вода в реке немного успокоилась. Эхолот показал мели и близкое дно, фарватер, углубленный земснарядом, оказался занесенным песком и камнями... Пришлось для расчистки фарватера и углубления дна снова вызывать землеройную технику.

Уже после осмотра водолазами днища танкера в порту выяснилось, что основательно погнули лаг.

КУРСАНТ

— Все, баста! Отгуляли, — попыхивая короткой трубкой себе в прокуренные усы, сообщил мне боцман танкера Тимофей Семеныч Волк, — дома скажешь, уходим завтра на рассвете в Нижние Муллы (аж за Пермь). По Каме пойдем. Но сначала завернем в Саратов. Сырую нефть примем на борт и вперед.

Волк собаку съел в своем деле, и провести его, откосить, сделать что-то плохо не получится. У него на судне все блестело, он не терпел расхлябанности и небрежности. Настоящий матрос должен был досконально знать свое дело. В любое время суток и при любой ситуации просто обязан быть по форме выбритым, подтянутым и опрятным. Потому и шли курсанты речного училища на практику под его команду неохотно.

— А то на некоторых судах, — кивал он головой куда-то за борт, — имеются личности, которым по палубам в тапках и трениках не слабо пройти. И на вахте словно только из дома... У меня такие номера не проходят! На судне чтобы все шиком было! Капитан на мостике, а я вот тут с вами. Все вижу и все знаю, — и для значимости осенял практикантов и штатных матросов своей раскочегаренной трубкой, источавшей зловонный сизый, будто из паровой трубы, дым. Но курил Волк, только когда уже перекачивали груз и судно, очищенное и пустое, стояло у причальной стенки в ожидании нового рейса...

Я, курсант, будущий выпускник речного училища, на танкер прибыл утром с туго набитым рюкзаком. Мать в дорогу напихала свитера. Даже носки шерстяные умудрилась в самый низ засунуть. Не знал я, что в этом преддипломном дальнем рейсе в Пермский край, еще до сдачи госэкзаменов, стану наконец настоящим матросом-мотористом..

Боцман, встретив меня на палубе у самого трапа, лишь хмыкнул, глядя на мой раздувшийся рыбьим пузырем мешок за спиной.

— Ты, браток, никак к Северному полюсу думаешь завернуть? — добавил он. — Так это напрасно. Запомни: матрос не с рюкзаками за плечами прибывает, а как и положено — с небольшим чемоданом, — и, повернувшись, продолжил свое шествие на корму.

Ну дает боцман! Чемоданами вообще теперь никто не пользуется.

Как и положено, пошел я знакомиться с машинным отделением. На фильтре, охлаждающем дизель магистральной, механик с береговым слесарем из судоремонтных мастерских, осмотрев сетку и прочистив ее, завинчивали на кожухе последний болт.

— Ну здорово, гардемарин! — протянул мне стармех руку в масле. — Меня зовут Павел Сергеевич Добрица, кап-три, то есть капитан третьего ранга. По теории судовых двигателей какая у тебя отметка?

— Четыре, — с гордостью ответил я.

— Вот в деле и проверим. Если надо, и подскажем. Только уговор: не врать, если не понял. Сразу спрашивай. Танкер — не классная комната в училище. Машинное отделение — самый важный объект на любом корабле. Это мы толкаем винтами воду по всем морям и океанам. Без нас судно — просто пустая железяка. Я вот пришел сюда после службы на ВМФ. На подводных ракетных крейсерах машинное называется БЧ-5. И командир этого отсека является старшим механиком АПЛ, помощником командира подводной лодки. Осматривайся, дизеля погляди. Они на нашем танкере по тысяче лошадей. Система охлаждения такая: забортная вода поступает через кингстоны по трубопроводу на фильтры и по внешнему контуру — на двигатель. Также имеется холодильный для охлаждения после дизеля воды и снова в систему. Да что я тебе объясняю. У тебя курсантская голова свежая, без мусора. Включайся в процесс, а завтра на вахту поставлю тебя пока стажером. Эх, моториста не хватает! Был тут один, да сбежал. Точнее, списал я его на берег за халатное отношение. На вахте только семечки

лузгал, за приборами не следил. Чуть дизель не запорол, сетка фильтра забилась, а он проглядел, вот движок и молотил до покраснения. А все семечки проклятые! Так по статье и уволили, чтоб надолго запомнил. Встретился бы мне на АПЛ этот карась, да с таким залетом без жалости под трибунал отправил бы! Все, хватит на сегодня вводного курса. Иди к боцману, устраивайся. Я позже зайду, скажу, когда на вахту. Порядок ты знаешь, он общий для всех военных и гражданских кораблей. Вахта длится четыре часа, восемь отдыхаешь и снова на вахту. Четыре через восемь, понял? Ну иди...

Боцман Волк поставил меня на продуктовое продовольствие. Проживать же буду в двухместной каюте вместе с швартовым матросом.

После завтрака, пока свободное время, поднялся на палубу осмотреться. Красиво же как вокруг! Рассвет в последние дни лета проступал с неохотой. По правому борту за небольшим лужком крохотное озерцо. За ним в разные стороны луга, промокшие от утренней росы и стриженные комбайном под нуль. У далекой линии горизонта полоса чернолесья. У самого озера на возвышении дымится небольшой костер, над которым на кривоватых рогульках подвешен котелок, и двое мужиков в ватниках греются и беседу ведут. Порыбачить, наверно, пришли. Вон и удочки вместе с велосипедом возле березки... Здорово так сидеть возле костра на рассвете, слушать реку, смотреть на высокое прозрачное небо и о чем-то не торопясь размышлять. Пусть и конец лета, но впереди еще погожие деньки. Прогноз погоды на неделю подтвердил, мы находимся в самом центре обширного антициклона. Дождей нет давно, и сухие грозы преследуют нас, словно предупреждая, что дальше будет еще жарче. Забортная вода, поступающая с поверхности реки для охлаждения дизелей, слишком разогрелась и не может нормально остудить двигатели. Плохой признак, а ведь нам еще по Каме идти.

В Саратове загрузились сырой нефтью. Стрела крана с осторожностью переносила тяжеленный рукав для перекачки нефти, а горячий воздух так и дрожал над верхней палубой... За Казанью повернули и по Каме. Впереди по правому борту Чистополь, а потом дальше по курсу слева Елабуга. Теперь и до Перми дойдем, а там и до наших Нижних Муллов рукой подать.

Когда моя вахта, периодически обхожу машинное, проверяю давление на манометрах. Температура дизелей зашкаливает и давно перевалила за норму. Дед, то есть стармех Пал Сергеич, то и дело прибегает послушать, пощупать работу движков. Все ясно, один из движков надо срочно под ремонт ставить, тянуть почти перестал, масло течет. Но здесь такими делами не занимаются, посоветовали до Перми тянуть.

— Курсант, хорошая практика у тебя в экстремальных условиях. Кажется, танкер при осадке под грузом до ватерлинии должен терять в скорости, но это не так. Почти половина корпуса судна находится в погруженном состоянии, а это значит, что уменьшается нагрузка на двигатели, вода помогает, ее плотность уменьшает сопротивление. А с перегревом дизелей мы еще напляшемся...

Когда-то речные суда, проходя по Екатерининскому каналу, могли причаливать гораздо ближе к береговым хранилищам, но теперь старинный канал, названный в честь императрицы Екатерины, зарос ивняком, и на самом дне его протекает темно-зеленой змейкой узкий ручеек.

До самого пункта Нижние Муллы мы, конечно, не дошли. Перекачали груз в районе Петровки ночью при свете береговых прожекторов. Даже ночью воздух не остывал. Духота же только усиливалась при полном безветрии. Крановщик, подавший резинокордовый, почти несгибаемый тяжеленный рукав залива, то ли устал, то ли не услышал команды, и небольшая часть нефти все же оказалась в реке, как раз между причальной стенкой и танкером. Вахтенного начальника, третьего штурмана, который проглядел ЧП, конечно, наказали. А дальше-то что делать? Оставить как есть? Сделать вид, что не заметили? Но все равно найдут виновного и накажут. Хорошо, если экипаж только лишат премий, но могут и построже надраить. Решили замести следы: поработать

как следует винтами, разогнать нефть, перемешать ее с водой... Уже под утро кое-как удалось рассеять пятно. Куда оно делось? Возможно, просто часть унесло течением, а часть опустилась на дно...

В кают-компании производственное совещание.

— До дому на одном двигателе потихоньку дотянем, — рассуждал стармех.

— Но все рейсовые графики летят к черту, — ответил капитан, — план грузодоставок горит. Горят и премии. Пока возиться будем с ремонтом, на берег увольнений не будет.

Со своего места взял слово боцман Волк:

— Будем ремонтировать двигатель в рейсе. Объявим аврал. Бывало и хуже. Так что осилим. К стенке с ремонтом не встанем, все одно — груз слили, порожняком идем.

— Добро, — решил капитан, — если получится с ремонтом, всему экипажу будет и квартальная, и годовая премия. Не будем терять времени. Механика попросу составить дефектную ведомость, перечислить необходимые запчасти для ремонта. Недостающее отыщем в Елабуге или в Казани.

Ремонт — дело сложное, а в таких условия и подавно. Завели над замолкнувшим движком ручные тали на балке и стали разбирать... Разобрали дизель до коленчатого вала. Пришлось и поршни с шатунами выдергивать. Настоящий капремонт вне регламента произвели. От высокой температуры полетели прокладки, и масло сочилось из всех щелей. Я удивлялся выносливости механика, он еще и шутки отпускал, анекдоты травил, разные истории рассказывал о своей службе на подводных крейсерах в Заполярье:

— На лодке в походе, братва, рот не разевай, — обтирая руки ветошью, рассказывал нам, — обычная рабочая глубина до пятидесяти метров, но можем нырнуть и на двести так, что только корпус трещит. Здесь и бдительность, и хорошее знание механизмов АПЛ нужны. От твоей ошибки порой жизнь экипажа зависит. Раз всплыть не могли, рули заклинило (там же все на гидравлике): то ли шланг зажало, то ли давление пошло вниз. Облазили все и везде. Вроде все в норме, на приборах давление в магистралах устойчиво... И вот один старший матрос, маслолуп из БЧ-5, нашел-таки в одном месте утечку. Под фланцевым соединением травило. Видимо, еще на пирсе проглядели, фланец не по резьбе пошел... Устранили. И на подъем, свежим воздухом дышать!

За этот рейс по двум рекам пришлось несколько раз менять горящие прокладки. Теплая речная вода практически не охлаждала дизеля.

Как только у меня выдавалось свободное время, боцман, беспокойная душа, выводил нас на верхнюю палубу скребками счищать старую краску. От этого шкрябанья даже уши закладывало! А тут еще не по сезону такая погода...

После тяжелого рейса стармех Добрица, подписывая мне практику, на прощание пожал руку:

— Ну, курсант, ставлю тебе «отлично»! Работу освоил. Будет желание, приходи к нам после выпускных. Возьму без разговоров.

НЕМОРЯКИ

Сергея Васильков и Вартан Григорян праздновали День ВМФ в лихо заломленных на затылке бескозырках (как и положено годкам) под жгучим июльским солнцем в одной из бухточек за Керчью. Давно они отслужили срочную на флоте. На одной подводной лодке ходили в учебные походы, в одном отсеке АПЛ несли вахты... И жили на одной улице с домами из серого ракушечника, спускавшейся уступами к морю.

Большинство керченцев так или иначе крепко связано с морем. Вартан — вообще коренной крымчанин, его предки поселились в этих необжитых местах еще при матушке императрице Екатерине. После увольнения пошел на судостроительный завод матросом-мотористом на буксир, который выводил на достройку в залив спущенные по стапелям корпуса строящихся судов. Его друг Васильков устроился на катерок, который доставлял пресную воду и продукты небольшой команде танкера-бункеровщика, стоящего на мертвых якорях у входа в Керченскую бухту.

...На развернутой газете отдельной горкой лежали вяленые большеголовые бычки с выступившей на спинках солью. Вытащили холодное баночное пиво, до этого заранее завернутое в бушлат и припрятанное в узкой расщелине нависающей, покрытой желтым лишайником скалы, откуда веяло живой спасительной прохладой, как от офисного кондиционера. Их мирному созерцанию любимого моря мешал рокот тяжелого металла, который привезли с собой вездесущие палаточные туристы.

Васильков и Григорян ненавидели громкие посторонние звуки на природе. Это нарушало ее гармонию, как и всякое беспардонное вмешательство людей в ее красоту и тишину. Морской гребешок или креветка, муравей или пчела нужнее и полезнее планете, а человек — существо деструктивное, беспокойное и ненасытное в своих страстях... Однажды во время осеннего шторма танкер-пятитысячник, перевозящий сырую нефть, по вине невысокой коварной волны Керченского пролива разломился на две части. Весь город вышел на очистку береговой полосы. Нефть собирали в большие мешки вместе с мертвой рыбой и отравленными липкими птицами. Прибрежные камни драили и скребли метлами и щетками, но до сих пор заметны нефтяные следы на некоторых почерневших камнях. Часть нефти, разболтанное морем, осела и погубила все живое, что плавало и ползало на морском дне. Море с большим трудом очистилось и восстановилось.

Любители тяжелого рока вроде угомонились. И все кругом успокоилось. Тишь да благодать... Вдруг Вартан, после глотка пива разгрызая белыми ровными зубами соленую рыбешку, пригляделся к одной из газетных статей, смахнув в сторону закуску:

— Гляди, как журналюги расписали работу нашего завода. И все-то у нас хорошо! И план даем, и заработки приличные, и народ богатеет, и заказы идут один за одним... С неба они упали, что ли! — возмущался он, чуть ли не плача.

Васильков тоже нахмурился. На самом деле гремевший когда-то на всю страну судостроительный завод превратился в отстойник ржавых судов. Судостроители разбежались за заработками кто куда, ведь одними газетными статьями сыт не будешь.

— Факт, Вартаныч! — поддержал его. — У нас на АПЛ, помнишь, как в поход идти, так эти подкормленные спецкоры и фотокоры от министерства (тоже в погонах), как назойливая мошкара, облепляли наши корабли... А уж в походе, когда службу несем, и сам знаешь, не до чего, только бы с вахты в койку завалиться, ухо подушкой придавить... А они тут как тут: из-за спины наблюдают, под руку лезут, по отсекам гуляют и в душу норовят залезть, спрашивают, как служба молодая и что из дома пишут... Зла на них не хватало! Попробовали бы разок дизель разобрать, вытащить его на руках из лодки, а после снова затащить под матерок командира. Нет, они поглазеют, поусуетятся, чиркнут в свои блокноты, а по возвращении на базу вместе с экипажем получают значки «За дальний поход», чтобы потом всю жизнь хвастать и гордиться. И ведь не придерешься: тоже по морям ходили, тоже соленую водичку из плафона пили... А некоторые еще и книжки пишут. Читал я одного каперанга, типа классика...

— Что, плохо пишет? — спросил Григорян.

— Да нет. Вроде красиво и много пишет. Но не знает элементарного, что потолок на подводном крейсере подволоком зовется... Короче, до настоящих писателей-маринистов ему далеко. Ну таких, как мичман императорского флота Станюкович, матрос Новиков-Прибой, капитаны дальнего плавания Бадигин, Конечкий...

— Ага, — согласился Григорян, — помню, в нашем БЧ-5 занимались вторым дизель-генератором, а тут газетчик (кап-три) подскочил и завертелся возле меня. Мне ключи надо положить, а он на них сел, на концах обтирочных лежали. Ну как ему скажешь? «Встаньте, пожалуйста, пересядьте в уголок, а то мешааете»? Вроде тоже при погонах...

— Настоящие подводники, пока большие звезды на погоны заработают, семь потов прольют, лодку от носа до хвоста проползут на брюхе, а эти... Электрик Витька Шмор с тральщика жаловался своему сундуку (мичману), что пока он в главном электрощите отверткой контакты подтягивал, к нему фотокор подлетел и щелкнул со вспышкой. Дескать, редакционное задание: в дивизионной газете надо поместить фотографии отличников боевой и политической подготовки. А у Витьки от внезапности рука дернулась, он и провел отверткой по соседним контактам. Короче, закоротил, аж предохранитель выбило... Такое ЧП!

— А я своими ушами слышал, — быстро перебил его Григорян, — как наш кэп штурману из БЧ-1 по секрету рассказывал о наших замполитах. Пьяницы они и бабники. Только к стенке подойдем, швартовые на кнехты бросим, а они уже бегут скорей в штаб докладывать о проделанной работе с экипажем. А еще они любят собирать по поселку моряцких жен и устраивать им экскурсии, культпоходы на АПЛ с целью ознакомления с условиями быта, а сами в качестве экскурсоводов — грудь колесом! Тоже, мореходы, а флаг от гюйса отличить не могут.

— Ладно, — миролюбиво заключил Васильков, — каждый свой хлеб, как может, отрабатывает.

— Не согласен. Каждый должен заниматься своим делом. Если в походе с капитаном что-то случится, то кто лодку поведет? Замполит или журналист в погонах? Нет, управление на себя возьмет штурман, и никто другой. И маслопуп из БЧ-5 первого дивизиона движения больше имеет значения, чем такой каперанг, потому что без него подводный крейсер с места не сдвинется. Не моряки они, и все тут.

— А давай-ка, Вартаныч, еще по баночке за тех, кто в море! За тех, кто сейчас вахту несет, — и Васильков слегка пристукнул своим темным бархатным по Вартановой открытой банке светлого, стекающего пахучей пеной на горячий песок.

ПО БОЕВОМУ РАСПИСАНИЮ

— Тимоха, здорово! Дай краба! — Родион Жук, судовой кок с танкера-заправщика, крепко хлопнул по плечу Тимофея Звонарева, старшину первой статьи контрактной службы.

Тот, худощавый, среднего роста, в черной морской форме, стоял по стойке «вольно» и лениво поглощал фисташковое мороженое в вафельном стаканчике под старой акацией на ступеньках Графской пристани возле разлегшегося на тумбе равнодушного каменного льва. От неожиданного удара старшина выронил мороженое, и оно прямехонько спланировало на начищенный до зеркального блеска черный ботинок.

— Вот же зараза! — повернулся к нему. Но увидев старого приятеля еще по сева-стопольской учебке, где они вместе начинали постигать премудрости камбузной готовки пищи, залиvisto рассмеялся. — Ну ты, друг, поосторожней в следующий раз. Так и по «иллюминатору» схлопотать можно, и грести потом не придется, сразу на дно пойдешь. Ты мой удар помнишь, наверно.

— Еще бы, — неохотно вспомнил Жук, — я тогда карасем молодым был. Все справедливости и равенства хотелось. Вот и нарвался сгоряча на твою тяжелую руку.

— Да ведь началось все из-за форменной чепухи, — пустился в воспоминания старшина, — ты по первости, браток, видно, службы не понял, развалился на стуле в Ленинской комнате в присутствии стариков-годков, выхватил у меня, старослужащего,

газетную подшивку и начал перед самым моим носом обмахиваться, будто в театре. Ну и получил по «компасу с прицепом». О подоконник нос тебе расквасил. На шум прибежал тогда мичман (сундук), но ребята не выдали.

— Да, Звонарь, были дела! — подхватил Жук. — Зато после на одной лодке службу несли. Азуха наша, как ее забудешь? Как сейчас помню, наш подводный ракетный крейсер проекта 667-А «НАВАГА». Я как только первый раз по трапу на лодку поднялся, навстречу боцман Кобзин катит. Помнишь, наверно, этого толстяка. Он посторонился, пыхтя и отдуваясь. Я отдал честь и вниз нырнул. Старпом тогда вахту нес, а боцман пыхтел, потому что ракеты прибыли. Надо было их быстренько принять на борт и в шахты установить.

— Да, комдив у нас строгий был, вроде и не орал, но так посмотрит, что Володя, командир наш, только прогнулся под этим взглядом, будто флагшток на стылом ветру, несмотря на то, что и у него на погонах звезд хватало. Каперангом как-никак был. Помнишь, только обжились, только успели стряхнуть со своих матросских ботинок казарменную пыль учебки, и на тебе! Сразу приказ готовить подводный ракетносец к выходу в учебный поход.

— Нас же тогда сначала к БЧ-5 приписали, к маслопупам по боевому расписанию, хотя по флотской традиции кок или у артиллеристов, или, как на императорском флоте, помогал лекарю, выполнял обязанности санитаря.

— Да уж, — вздохнул старшина, — меня в море тогда здорово укачивало! И самое страшное — опозориться перед экипажем: вывернуть где-нибудь свой желудок. Такого позора не пережить! Уж лучше груз к ногам и за борт...

— Молодые были, караси еще, служить и служить. Я же тогда для офицерского состава лодки стряпал, и в день рождения замполита Иволгина испек пирог с капустой, помнишь наверно, — усмехнулся в аккуратные фасонистые усы Жук, — так веришь ли, этот пирог надолго запомнил. Вместо того чтобы промыть пресной водой квашеную капусту, я взял и промыл забортной... Хорошо, у стенки еще стояли. Офицеры угодили в госпиталь с диареей. Иволгин тоже... Я потом за это дело вахты верхние нес почти бесценно.

Судно, на котором служил Родион Жук, стояло в севастопольском Морском порту. Танкер-заправщик был замечен с пристани даже не вооруженным дальнбойным морским биноклем глазом.

— Кстати, Звонарь, ты как здесь оказался? Вроде тебе тоже предлагали остаться по контракту, — поинтересовался старшина.

— А я тогда после списания на север махнул. На траулерах Баренцево утюжил. Ничего, хорошо заколачивали. За сезон можно было кооперативную квартиру в столице купить. Никакого тебе боевого расписания. Там каждый матрос борется за план вылова, и я, как только заканчивал у себя в камбузе готовку, торопился на палубу ребятам помогать с тралом управляться. Рабочих рук, как всегда, не хватало. Вставляли на косяк, к примеру, минтая или мойвы, тросы у нас, как струны, звенели, ваерные лебедки еле успевали вытягивать тяжелый трал. Улов только сольем в трюмы, азарт дальше берет, рыба, кажется, сама в сеть лезет, и снова ваерные лебедки воют. А сами мы будто в аду, словно дьяволы! Мотает нас, палуба из-под ног уходит, качает то на корму, то на нос, с борта на борт. И это при низких бортах, у которых приходится работать целую смену. Так накачаешься наверху, что после в камбузе черпак в руках пляшет. Рыбаки со смены приходят на ужин усталые, лишь чаю пару стаканов горячего выпьют и в каюту на койку отсыпаться до следующей смены. Зато утром, проголодавшись, сметают все подряд, что ни дашь. Вот только рыба им просто в рот не лезет ни в каком виде. А вот мяса много идет во вторые блюда. Еще жареный картофель на свиных шкварках с пассированным лучком уважали. Приходилось выкручиваться на берегу, пока продукты принимаем, натуральный обмен с кладовщиком: ты ему выловленных

крабов, а он вместо квашеной капусты и макарон – тушенки, какао, колбасы копченой, сгущенного молока подкинет. Экипажу нравилась моя работа. Сам знаешь, Тимоха, что такое голодный экипаж в рейсе. А ты, как вижу, продолжаешь на военном флоте служить, до чинов высоких еще далековато будет.

– А чего мы здесь со львами застыли, – огляделся вокруг старшина, – за колоннадой кафешка какая-то трубой дымит. Пойдем поднимемся на борт и отметим за встречу.

В кафе, стилизованным под морскую тему, было прохладно и немногочленно. Устроились у большого окна-иллюминатора. Кофе здесь оказался замечательным, его приготовили в песке в большой турке. Разлитый по чашкам, он источал настоящий аромат, смешиваясь с запахами старого пенькового каната, рыбацких сетей на стенах. Все это создавало уют и поддерживало какое-то романтическое настроение.

– Так вот, братуха, – сделав большой глоток, начал рассказывать о себе старшина, – отслужил срочную, а что дальше? В приморских городах и поселках с работой совсем плохо, сам знаешь. Опять в общепитовскую столовую? Или на керченском Стекольном заводе в столовке салаты делать? Там к первым не подпускали, о вторых блюдах и не говорю. Или в нашем Багерово в детсад поваром третьего разряда каши да кисели варить? И это после техникума со специальностью «Технолог пищевого производства» и службы на подводном флоте. Нет, не по мне эти ясельки-садики, хотя угораздило жениться на учительнице, тоже нашей – багеровской. Какой-никакой, и домик свой имелся, с участком и с пресной водой в двухтонном бетонном бассейне (водозабор из Феодосии доставляла). Мать, пенсионерка, днем на огороде, а вечером уходила в Дом культуры, там уборщицей подрабатывала. А я, фактически безработный, на шее у них сидеть не собирался. Съездил в Керчь, вроде как уже устроился на лихтер готовить для экипажа, уже в рейсы начал ходить с ноября... Вроде юг у нас, да только наступит осень, зарядят дожди! И ветра такие, что однажды трубу печную с крыши дома сдуло. Обогревались печкой дровяной в холодный сезон. С дровами тяжело, но доставали, то сосед-шофер целую машину битых ящиков из продмага привезет, то матери как пенсионерке или жене как учительнице помогут... И все мать меня просила посмотреть печку, труба плохо тянула, как бы не задохнуться. А мне все некогда. То одно, то другое...

Вот из первого рейса вернулся, дверь закрыта изнутри, стучу – не открывают. Кот наш Дрейк по двору бегает, мяукает, но близко ко мне не подходит, сторонится... Дернул дверь сильнее, а в доме тишина, в комнату вбежал, и воздух какой-то тяжелый стоит, неподвижный, с горчинкой легкой... И в разных углах на кроватях мои лежат, как уснули. Я к матери, она уже холодная. Я к жене, и здесь та же картина... То ли заслонку рано закрыли, то ли труба забила сажей... Остался один на белом свете, ну просто как в кино каком-то, – старшина снова затыкнулся, выпустил дым, допил кофе, – одни голые стены остались, не хотел уж жить в нем. После похорон ключи отдал соседям и кота в придачу. И в военкомат на контрактную определяться.

Теперь вот на дизельюхе малолучной хожу. Через неделю сдам экзамены и в мичманы на повышение, а пока экипаж кормлю с одним корешом на пару. По боевому расписанию всегда на камбузе. Кстати, встретил тут однажды боцмана нашего с азухи Кобзина. С женой вечером прогуливался под ручку по набережной. Узнал старый черт морской. Он теперь на берегу на мертвом якоре в Севастополе городской котельной командует. Пригласить тебя, друг, на лодку не могу, сам понимаешь. А так давай возобновим старую дружбу.

– А ты вот ко мне приходи, – перебил Жук, – мы часто в Севастополь заходим, топливо привозим для судов.

И они взяли еще крымского красного и продолжили вспоминать службу на флоте, товарищей...